

ВОЕННАЯ БОЕВАЯ
ФАНТАСТИКА

ЗЛАЯ РУСЬ ЦАРСТВО

ДАНИИЛ КАЛИНИН

Военная боевая фантастика

Даниил Калинин

Злая Русь. Царство

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Калинин Д. С.

Злая Русь. Царство / Д. С. Калинин — «Издательство АСТ»,
2024 — (Военная боевая фантастика)

ISBN 978-5-17-156900-6

Первый натиск Батыев русичи отразили, но внук Чингисхана и его лучший полководец Субэдэй уцелели, они готовят новый, сокрушительный удар! А на западе между тем складывается коалиция врагов Руси, желающих испытать ее на прочность... И промеж князей все еще нет единства! Единственный шанс уцелеть Егору и его возлюбленной – это успеть объединить Русь до нового удара поганых. Но задача эта кажется невыполнимой...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-156900-6

© Калинин Д. С., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Даниил Сергеевич Калинин

Злая Русь. Царство

© Даниил Калинин, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Пролог

Ландмейстер Тевтонского ордена в Ливонии Дитрих фон Грюнинген по своему обыкновению поднялся на самую вершину внутренней цитадели замка. Здесь, взирая на близлежащие окрестности с высоты донжона, он чувствовал себя свободнее и вольнее, чем в стылых, плохо отапливаемых и зачастую сырых каменных чертогах.

Ледоход на Эмбахе (так русы называют реку Омовже) в этом году начался относительно рано, в середине марта. Он же стал причиной свертывания всей боевой деятельности ордена – весной и осенью этот край лесов, рек и болот абсолютно непроходим для тяжелой рыцарской конницы, для всадников-сержантов и неизменного обоза. Здесь, в Ливонии, действуют те же самые законы войны, что и в Пруссии, – рыцари могут покорять язычников зимой, когда реки и болота замерзают, превращаясь едва ли не в торную дорогу, да сухим летом. Впрочем, летние рейды совершаются в основном на коггах, морских и речных судах, на которых братья и полубратья ордена поднимаются вверх по рекам, и прежде всего летом ведется постройка новых замков.

Только благодаря им ордену удастся удержать непокорную землю северных язычников!

Местные замки не чета укреплениям Штаркенберга в Святой земле – бывшего французского замка Монфор, «Неприступной горы». Но главная резиденция ордена, в которой хранятся сокровищница и архив, и должна быть защищена лучше всех. А здесь... Здесь достаточно возвести одну сильную башню-донжон и обнести ее рвом и частоколом, чтобы укрепление можно было назвать замком.

Конечно, лучше строить его на острове или вдающемся в реку мысе, отрезав от суши очередным рвом. Построить внутри жилища для гарнизона, арсенал, подготовить выложенные камнем подземные хранилища для еды, открыть госпиталь. И конечно, оставить гарнизон – хотя бы сотню полубратьев-сержантов и крещеных балтов во главе с двумя-тремя рыцарями. Главная сила гарнизона – это тяжелая конница, что может одной вылазкой опрокинуть осаждающих. Ливы, эсты, латгалы – все они достаточно храбры и воинственны, но плохо вооружены и практически не защищены броней. Любители засад и нападений на маршах, они с трудом выдерживают таранные атаки рыцарей и сержантов, а искусные арбалетчики ордена зачастую выходят победителями из перестрелок с местными лучниками. Так что большинство новых замков выдерживает зимние осады балтских язычников. Со временем же искусные каменотесы ордена перестраивают донжон из булыжников и валунов, а следом за цитаделью и окружающие ее стены.

Как это случилось и в Дерпте.

Впрочем, Дерпт ранее был сильной деревянной крепостью схизматиков русов. Основанная на Омовже в незапамятные времена (говорят, еще конунгом Ярицлейфом по прозвищу Мудрый во время его княжения в Хольмгарде-Новгороде), крепость Юрьев была центром влияния русов. Местом сбора дани у местного населения и важным торговым градом, расположенным на пересечении нескольких купеческих маршрутов. Когда же Гардарика распалась на множество княжеств и влияние их конунгов ослабело, Юрьев не раз брали на меч и сжигали эсты и латгалы, а двадцать три года назад он был отбит братьями тогда еще Ордена меченосцев. Правда, спустя восемь лет, когда эсты подняли большое восстание, Юрьев вновь стал русским.

В последний раз!

Новгород посадил в крепости сильную дружину в две сотни ратников, а возглавил ее князь-предатель Вячко. При мыслях о Вячко лицо молодого еще рыцаря, в свои двадцать восемь лет сумевшего завоевать доверие великого магистра Тевтонского ордена Германа фон Зальца (!) и ставшего ландмейстером Ливонии, искажилось от гнева.

Вячко-иуда, Вячко-клятвопреступник!

Вячко был князем Кукенойса, основанного когда-то не менее известным, чем Ярицлейф, конунгом, чья темная, мрачная слава изобличала его в колдовстве. Звали его Всеславом Чародеем. Вячко происходил из Полоцких Рюриковичей и был их вассалом. Но помощи последних не хватало, чтобы остановить разбойные набеги воинственных литовцев с запада и усиливающееся давление Рижского епископа вкупе с молодым Орденом меченосцев на севере. Тогда Вячко решил заключить с Рижским епископом Альбрехтом фон Буксгевденом союз, отдав часть своей земли епископу в обмен на помощь в борьбе с литовцами. Что же, Альбрехт был вполне честен со своим союзником – так, в конфликте своего вассала Даниила из Леневадена и Вячко он принял сторону последнего. Сдержав слово, епископ также отправил в помощь князю Кукенойса двадцать рыцарей с арбалетчиками и опытными каменотесами, способных укрепить замок Вячко, расположенный в выгодном месте – на мысе у впадения реки Кокны в Западную Двину.

Но Вячко – Вячко отплатил за дружбу предательством, перебив всех людей епископа, когда последние оказались безоружны. Лишь трем рыцарям удалось спастись. Но кровавый изменник не просто предал и перебил союзников – зная о планах епископа отправиться в земли тевтонцев (Альбрехт надеялся привлечь новых участников к Ливонскому крестовому походу) и желании вернуться домой группы германских рыцарей, Вячко призвал Полоцкого князя Владимира пойти войной на Ригу. За несколько лет до того Владимир уже осаждал главную цитадель епископа и крестоносцев в Ливонии, однако не преуспел: его ратники, будучи искусными лучниками, не знали осадных орудий и не могли взять сильную крепость. А вынудить город к сдаче долгой осадой русы не могли без собственного флота. И отступили, увидев, как в Ригу прибывают корабли с продовольствием и подкреплениями.

Однако атака Вячко имела бы полный успех: без епископа, бывшего душой обороны при прошлой осаде, и большей части рыцарей (изменник подло истребил лучших крестоносцев) город стал бы легкой добычей Владимира Полоцкого.

Однако план предателя расстроили спасшиеся при резне рыцари, успевшие предупредить Альбрехта фон Буксгевдена и крестоносцев до их отплытия. Конечно, епископ остался в Риге, уговорив остаться и многих воинов, а Вячко, узнав о том, что его подлый план не сработал, сжег свой замок и покинул отцовскую землю вместе с дружиной.

Бывший князь Кукенойса стал самым последовательным врагом крестоносцев. Неудивительно, что он проявил себя во время восстания эстов в 1223 году от Рождества Христова и последующего его подавления. Эсты и русы Вячко захватили с помощью новгородцев Дерпт и долго сражались на его стенах, выдержав первую, Пасхальную осаду весной 1224 года. Помимо собственной дружины Вячко и новгородского гарнизона, в крепости укрылись также множество эстов с семьями, к тому же Юрьеву была обещана сильная помощь Новгорода.

Однако крестоносцы опередили русов – собрав под свои знамена множество крещеных ливов и латгалов (в свое время также натерпевшихся от набегов эстов), они вновь осадили Дерпт, уже в августе. Построив большое количество камнеметов и бревенчатую осадную башню, вырыв подкоп, после двух недель боев воины Ордена меченосцев, рыцари Рижского епископства и крещеное ополчение балтов взяли Юрьев штурмом. Вячко и новгородцам предоставили возможность свободно покинуть город, с чем Дитрих был категорически не согласен, разве что последнее было хитрой уловкой, но упрямый рус отказался уйти. В итоге остатки его воинства перебили и убили самого князя – надышавшиеся дымом в подожженной цитадели, под конец штурма русы уже не могли продолжать схватку. А с ними погибли и все укрывшиеся в городе жители – ливы и латгалы учинили настоящую резню, не щадя ни женщин, ни детей.

Впрочем, Дитрих фон Грюнинген совершенно не жалел язычников, во время восстания рубивших головы всем попавшим в плен германцам и датчанам и приносящих в жертву языческим божкам католических священников и миссионеров. С его точки зрения, эсты получили

заслуженную кару. А что под раздачу попали и женщины, и дети, его волновало мало – во время восстания ведь также погибло немало невинных христиан, не способных за себя постоять.

Подавление восстания эстов (к слову, сумевших с помощью русов разбить даже крупное датское войско) стало серьезным успехом меченосцев. Во-первых, они сумели завладеть всей землей эстов (кроме северной прибрежной ее части с датским Ревелем). Во-вторых, избавили ее от всякого влияния князей русов, заставив также начать колебаться жителей приграничного Пскова.

Четыре года спустя большое новгородское войско во главе с князем Ярицлейфом (Ярославом Всеволодовичем) двинулось в земли ордена, желая поквитаться с рыцарями за падение Юрьева, а также Феллина и Оденпе (именуемого русами «Медвежьей Головой»). После штурма крепостей были перебиты все новгородские воины – к примеру, в Феллине всех выживших повесили. Но лазутчики Буксгевденов (младший брат Альберта, такой же деятельный и воинственный, Герман стал епископом Дерпта) сумели поднять в Пскове панику, убедив жителей, что неистовый Ярослав собирается занять город и подчинить его себе. В итоге псковская рать заперлась в крепости, отказавшись объединяться с новгородцами, а на помощь мятежному городу выступило все войско меченосцев. Ярослав ушел без боя, а Псков несколько лет был независим от Новгорода и держал союз с германскими крестоносцами.

Погруженный в свои мысли и не замечающий ничего вокруг, Дитрих тяжело вздохнул, размышляя о том, как же все в жизни недолговечно. Ярослав все же поквитался с меченосцами – в битве на Омовже, той самой реке, что вытекает из озера Вирцзее и впадает в Чудское озеро, на берегах которой и стоит Дерпт. Ярослав удачно выбрал момент для наступления – к зиме многие участники крестового похода предпочитают возвращаться домой. Благо, что до родовых германских земель из Ливонии путь гораздо короче, чем из Святой земли. Впрочем, стоит все же признать, что и сами рыцари ордена вели себя слишком нагло и беспечно, спровоцировав князя на ответный удар серией набегов. Так или иначе, в 1234 году от Рождества Христова псковичи решили не играть с судьбой, заключив мир с князем и приняв в город новгородского посадника, а значительная рать Ярослава беспрепятственно подступила к стенам Дерпта. Правда, и в крепости стоял сильный гарнизон – здесь пребывало большинство братьев-рыцарей во главе с великим магистром Фольквином фон Наумбургом. Сильный отряд рыцарей стоял также и в соседнем Оденпе. Однако помимо «сезонного» ослабления ордена, его силы серьезно подорвала и борьба с папским легатом Балдуином Альнским, вылившаяся в вооруженное противостояние крестоносцев друг с другом и закончившаяся лишь весной того же года. Кроме того, ополчение ливов и латгалов великий магистр собрать, конечно, не успел, но все же рискнул на совместную с гарнизоном Оденпе вылазку, рассчитывая сокрушить русов совместным ударом с двух направлений. Может, Фольквин рассчитывал, что удар второго отряда меченосцев станет для Ярослава внезапным, испугает его людей, или же счел, что русы в схватке не сильно искуснее балтов, коих рыцари зачастую громили меньшим числом. Но его надежды не оправдались: не получилось застать врага врасплох, не удалось изменить ход битвы и подкреплению из Медвежьей Головы. А сами русы доказали, что в честной схватке они ничем не уступают германским рыцарям. Зато численность в сече с равным противником еще как важна.

Ярослав разбил великого магистра под стенами Дерпта, обратил крестоносцев вспять. Правда, самому Фольквину фон Наумбургу удалось отступить в крепость и закрыть ворота, большинство же рыцарей и сержантов пытались бежать по льду Омовжи, преследуемые русами, и были истреблены ими. Часть тяжелых всадников так и вовсе провалились под лед. Но русы, разбив меченосцев, не пытались осаждать город, ограничившись разорением окрестностей и заключением почетного для них мира. Так, восточная и южная части Дерптского епископства отошли к Пскову, а меченосцы надолго забыли о своих набеге на новгородские земли.

Но это, пусть и чувствительное, поражение ордена не стало его концом – вовсе нет! Уцелели гарнизоны большинства замков, уцелел гарнизон Риги, магистр вполне еще мог объявить

сбор ополчения, привлечь новых палладинов из Германии и, наконец, взять наемников. Что и было осуществлено два года спустя. Поняв, что меченосцам пока не удастся тягаться силами с русами на их исконных землях, папа Григорий IX объявил крестовый поход в Литву. И Фольквин фон Наумбург, пусть и понимал неготовность ордена к серьезному походу, после предстоящего конфликта с папским легатом перечить воли великого понтифика не рискнул. Собрал добровольцев, наемников, ополчение крещеных балтских племен и сумев даже привлечь к походу русов (литовцы нападали и на русские княжества, так что идею совместного похода в Новгороде и Пскове поддержали), великий магистр двинул достаточно мощное войско в толком не известные его людям земли.

За что и поплатился в битве при Сауле.

Литовцы умело заманили тяжелую рыцарскую конницу и псковских ратников в болота, одновременно с тем растянув войско крестоносцев в линию, а после истребили его фланговым ударом – в основном, расстреливая из луков и закидывая дротиками крестоносцев с безопасного для себя расстояния. Погибли и Фольквин, и весь цвет рыцарства.

Черeda несчастий, обрушившаяся на меченосцев, окончательно добила орден, совсем недавно бывший на пике своего могущества. Может, варварское истребление женщин и детей в Юрьеве, а также расправа над пленными русами вызвала гнев Божий? Может, само понятие мести, пусть даже и язычникам, в корне расходится с евангельским учением? Нет, рыцарь-крестоносец Дитрих фон Грюнинген об этом не задумывался – ведь тогда бы пришлось осмысливать и то, что убивать с именем Господа на устах и во имя Господа есть не что иное, как кощунство. По крайней мере, если речь идет не о защите своего дома, своей родины, а о завоевании чужих земель.

Спасая позиции католиков в Ливонии, на следующий год папа объединил оставшихся меченосцев с главным германским рыцарско-монашеским орденом дома Святой Девы Марии Тевтонской в Иерусалиме, или, кратко, Тевтонским орденом. Разбитые меченосцы вошли в него на правах самостоятельной Ливонской комтурии, сохранив право носить алый меч на щитах и сюрко, а для усиления их в Ригу прибыло шестьдесят рыцарей и шесть сотен полубратьев-сержантов. Первым ландмейстером комтурии стал Герман фон Балка, сохранивший за собой также звание ландмейстера и Пруссии, но доблестный рыцарь был уже болен и стар. И вслед за ним комтурию принял Дитрих фон Грюнинген.

И вот ныне он томится в пограничном Дерпте, размышляя над будущим ордена – очевидно, не столь светлым и блестящим, как ему хотелось бы. Фактически задачу покорения Ливонии выполнили еще меченосцы, отвоевав у язычников клочок земли, зажатый между воинственной Литвой и сильным Новгородом. Конечно, атаковав Литву, бывший великий магистр взялся за непосильную задачу, однако и с помощью тевтонцев отомстить за разгром при Сауле невозможно... Рыцарей и полубратьев хватает лишь удерживать от восстания мятежных духом язычников, крестившихся по принуждению, но не изменивших вере предков в душе. Однако где добыть славу, честь? Где и как теперь добиться побед, благодаря которым молодой ландмейстер вписал бы свое имя в историю?

Впрочем, в Дерпте томится не только он – здесь собрались многие выжившие рыцари-меченосцы, здесь же занял епископский престол Герман Буксгевден. После смерти брата он стал самым непримиримым клириком, ненавидящим местных язычников, и особенно ортодоксов схизматиков! Епископ спит и видит объявление нового крестового похода – в земли русов! Здесь же нашел свое пристанище и изгнанный новгородцами из Пскова князь Ярослав Владимирович, мечтающий вернуть свой город. У бывшего союзника во втором по величине и значению городе Русского Севера осталось множество сторонников, но увы, момент для выступления против Новгорода совершенно неподходящий. Главные силы тевтонцев заняты сейчас борьбой с мусульманами в Святой земле, ордену не хватает людей даже покорять неистовых

пруссов, не говоря уже о помощи ливонцам (так ныне величают рыцарей Ливонской комтурсии), и сил для открытого противостояния с русами просто нет.

С другой стороны, если ситуация изменится и позиции Ярослава Всеволодовича в Новгороде пошатнутся, то кто знает, кто знает...

От тяжелых, неторопливых дум ландмейстера отвлек взволнованный голос полубрата-сержанта, поднявшегося вслед за Дитрихом на вершину донжона:

– Господин, в Дерпт прибыло двое русов. Они говорят, что держат путь из Новгорода, и просят о встрече с вами. Называют себя посланниками городского посадника.

Дитрих не стал спешить с ответом, сохранив выражение полной невозмутимости на лице, но сердце его отчаянно забилося. Неужели то, о чем он втайне мечтал... Нет, вначале нужно выслушать посланников, а уже после делать выводы. Иначе слишком горьким будет разочарование.

Но все же, начав спускаться вниз по винтовой лестнице, ливонский ландмейстер не мог не задавать про себя один и тот же вопрос: а вдруг? А вдруг его безмолвная мольба услышана, и Господь все же посылает им шанс?!

Глава 1

Дитрих фон Грюнинген порывисто, едва ли не бегом ворвался в просторную залу донжона, уже на самом пороге ее заставив себя замедлить шаг. Впрочем, окружающим все равно показалось, что внутрь залетел упругий сгусток нервов и крепких мышц, укрытый плащом с красным крестом меченосцев. Ландмейстер окинул ищущим взглядом сырую и стылую залу, несмотря на значительных размеров очаг, в котором всю осень и зиму неизменно поддерживают огонь, и на еще потрескивающие угли в развешенных по стенам железных корзинах. Помимо них, серый камень украшают лишь белые полотна с черным тевтонским крестом и алым мечом ливонцев, да еще оружие, как трофейное, так и клинки крестоносцев.

А более ничего и нет – вступая в орден, все рыцари дают обет бедности.

Мгновение спустя старший над братьями Ливонской комтурии молодой рыцарь увидел новгородских посланников. Прежде всего выступившего чуть вперед среднего роста жилистого темноволосого парня, ровесника Дитриха или даже моложе. Вот только тяжелый взгляд серых глаз много повидавшего человека и шрамы, украсившие лицо воина, тут же заставили забыть о его возрасте. Второй посланник, вставший чуть позади своего товарища, был старше и значительно крупнее. Таких рослых, широких в плечах и буквально дышащих мощью и спокойной уверенностью в себе мужей Дитрих встречал нечасто. А может, и вовсе никогда не встречал. Он даже запнулся при взгляде на русобородого гиганта русича, прежде чем начать свою речь, но быстро совладал с внезапно накатившей неуверенностью.

– Я ландмейстер Ливонской комтурии Ордена дома Святой Девы Марии Тевтонской в Иерусалиме Дитрих фон Грюнинген. Вы желали встречи со мной – вы ее получили.

Как и предположил Дитрих, заговорил именно темноволосый русич – выйдя вперед, он продемонстрировал свое положение в паре посланников, дав понять, что гигант есть лишь простой телохранитель. Хотя «простой» все же не слишком уместное в отношении гиганта понятие.

Новгородец заговорил неспешно, тщательно выговаривая слова и делая небольшие паузы, чтобы присутствующий здесь же толмач мог все перевести, – не отрывая при этом своего тяжелого взгляда от ландмейстера:

– Приветствую славного рыцаря-крестоносца, и также передаю тебе привет, Дитрих фон Грюнинген, от новгородского посадника Степана Твердиславича, бьющего тебе челом.

Когда сержант, разумеющий речь русов, закончил перевод, и в зале воцарилось тягостное молчание, ландмейстер, начав понемногу заводиться, нехорошо улыбнулся.

– Вот как? Вы проделали столь долгий путь, чтобы передать мне привет посадника?!

Темноволосый русич, едва ли не издевательски улыбнувшись в ответ (ехидство и раздражающая в себе уверенность в его ухмылке угадывались наверняка), спокойно произнес:

– Нет, не только. Он велел передать тебе, славный ландмейстер Ливонской комтурии Тевтонского ордена, что Новгород желает освободиться от власти князя Ярослава и его щенка Александра, что новгородцы отныне и вовсе не желают верховенства каких-либо князей. Он велел сказать, что ныне пришло лучшее время, чтобы это осуществить, и что в обмен на военную помощь крестоносцев Новгород станет верным союзником ордена!

Сердце Дитриха фон Грюнингена забило часто и сильно, разгоняя по жилам кровь, и буквально вся его сущность воскликнула: «Вот оно!» Однако же, не проявив внешне своего воодушевления, он спросил спокойно, даже с легкой издевкой:

– Вот как? И что же повлияло на решение новгородцев, ранее самих приглашавших на княжение Ярослава, и не раз приглашавших?

Посланника, однако, каверзный вопрос не смутил.

– Приглашая ранее князя Ярослава Всеволодовича, Новгород заручался поддержкой могучего Владимирского княжества и мог рассчитывать на великокняжескую рать в противостоянии с орденом или свеями. Однако ныне между старшими братьями Всеволодовичами назревает не просто вражда – пахнет большой бранью. Старший брат, великий князь Юрий, провозгласил себя базилевсом и потребовал, чтобы Ярослав и Александр присягнули ему как базилевсу. Но Ярослав ожидаемо возмутился и отказался присягать, а Юрий в отместку двинул рать к Торжку, желая перекрыть движение хлебных обозов на север. Ныне новгородский князь собирает рать, чтобы схватиться со старшим братом, а Юрий... Мы пока не знаем, что делает Юрий и какими именно силами осадили Торжок. Зато знаем, что зимой в южные пределы Руси вторглись новые степняки-агаряне, носящие имя монголов. Они разбили великокняжескую рать под Переяславлем-Рязанским, заставив остатки ее бежать в город, искать спасения за крепостными стенами. Также они осадили Рязань и использовали для штурма ее настоящие пороки, разрушив крепкую деревянную стену до основания на ширине в несколько сотен шагов. Рязанский князь чудом откупился от хана агарян Батыя, и тот покинул пределы его земли. Но знающие люди сообщают, что Батый ныне жаждет ударить по Владимиру и покарать наглеца, посмеявшегося вывести против его ратей свою дружину. А ведь воинство монголов бесчисленно, и оно сокрушило все царства Востока, включая богатейший Хорезм и славную своими батырами Волжскую Булгарию!

Ландмейстер внимательно слушал перевод толмача, стараясь не выдавать своих чувств. Что-то из озвученного посланником он уже слышал, что-то оказалось для него откровением. Так, про зимнее вторжение монголов на Русь до Дерпта дошли лишь обрывочные неясные слухи, создавшие впечатление об очередном, не самом серьезном набеге степняков – было не совсем понятно даже, кто напал, куманы или иные язычники. О монголах Дитрих знал чуть больше – крестоносцы, с отчаянным упорством защищающие свои владения в Святой земле, были достаточно осведомлены о событиях на востоке. И о монголах, сокрушивших Хорезм, а после разбивших и грузин, ранее готовящих собственный крестовый поход, были наслышаны... Выходит, новый враг докатился уже и до Руси! Впрочем, беды русов-ортодоксов его волновали мало, гораздо важнее были новости о зародившейся вражде между братьями Всеволодовичами. А весть о провозглашении Юрия базилевсом уже достигла ордена, но не особенно впечатлила рыцарей. Кем бы ни назвался великий князь, править ему все равно лишь Владимиром!

Но брань между братьями-князьями... Ею действительно стоит воспользоваться!

Между тем новгородец продолжал неспешно говорить:

– Торжок мы желаем отбить, но и только. Наши ратники не должны понапрасну лить кровь в брани между Всеволодовичами, пусть Ярослав и Юрий выйдут на Божий суд и в личном поединке решают, кто из них и кому должен подчиниться. Но даже если это чудо свершится, и князья прольют собственную кровь, а не кровь своих воев, все одно для Новгорода это ничем хорошим не кончится. Победит Ярослав, неважно, в сече или честном поединке, и сам сядет во Владимире, оставив Новгород за сыном. И когда придут поганые агаряне, он призовет на гибельную брань новгородскую рать. Но коли верх возьмет Юрий, то он также призовет нас сражаться против монголов; а еще ходит слух, будто новоявленный базилевс жаждет сменить выборного посадника на собственного, назначаемого, и увезет вечевой колокол во Владимир, отменив наше вече!

Даже не понимая слов русича, Дитрих отлично воспринял его негодующий, совершенно искренний в своем справедливом гневе тон. А когда толмач закончил перевод, не удержался и от мимолетной, но крайне самодовольной улыбки. Действительно, ситуация у новгородцев сложилась очень непростая.

– Значит, вы рассчитываете, что орден...

Ландмейстер специально не довел свою речь до конца, желая дать высказаться посланнику, и тот Дитриха не разочаровал.

– Заключив союз с орденом, как некогда это сделал Псков, Новгород обретет независимость от князей и тем самым избежит гнева и мести хана Батыея, от которого мы надеемся откупиться. Ежели не выйдет, орденские бастиарии, способные построить собственные пороки и вооруженные мощными крепостными самострелами, как мы надеемся, помогут отстоять нам город. Пусть мы называем друг друга схизматиками, но все одно, мы ведь христиане. И коли на Новгород пойдет тьма безбожных язычников, разве откажут славные ливонские рыцари нам в помощи, разве сражения с агарянами есть не главное призвание воинов Христа?

Дитрих фон Грюнинген надменно вскинул подбородок.

– Называя себя христианами, вы отказываетесь смириться с властью великого понтифика, папы римского! Кто возжелает помочь схизматикам, если вы не соглашаетесь признать правильность католического богослужения?

Выслушав толмача, посланник отрицательно качнул головой.

– От веры предков наших мы не откажемся. В знак особого расположения к ордену мы готовы пустить в наши земли ваших проповедников, позволим им построить свои церкви, коли паства их будет достаточно велика, но не более того. Ежели кто захочет креститься по католическому обряду, что же, это его право. Но Пскову вы помогали, не пытаюсь перекрестить его жителей.

На это замечание ландмейстер поначалу не нашелся, что ответить. И лишь после достаточно длительной паузы заявил:

– Псковичи помогали нам в войне против Литвы.

Посланник согласно склонил голову.

– И Новгород не откажет в этой помощи ордену, ведь литовские язычники-разбойники разоряют и наши земли. Объединившись, мы смогли бы воздать ворогу должное за гибель наших людей при Сауле, но для этого Новгород должен устоять во время нашествия монголов. Не забывай, славный ландмейстер, что купцы наши богаты и что за оказанную помощь мы щедро вознаградим наших новых друзей. А переданного нами золота, да серебра, да самоцветов ярких, да шкур соболиных будет достаточно для того, чтобы орден мог нанять множество славных воев в западных землях.

Дитрих замолчал, обдумывая озвученное предложение. Посылать рыцарей и полубратьев-сержантов сражаться и умирать за схизматиков русов было, конечно, глупо, но... Но они обещали щедро заплатить, а не в правилах русов нарушать свое слово. Кроме того, пусть капелланам ордена всего лишь разрешили проповедовать в землях Новгорода, но ведь и это достижение можно подать как крупный успех не только перед магистром ордена Германом фон Зальца, но даже и в Риме. Католические священники начали крестить Русь – вот как это можно назвать. В сущности, даже не солгав... Наконец, если новгородцам удастся откупиться от монголов, можно будет напомнить им и об обещанной помощи – и вместе с русами вернуть литовцам старый должок!

В любом случае сейчас лучшее время, чтобы начать действовать. Междоусобная вражда подорвет силы братьев Всеволодовичей, и кто бы из них ни взял верх, коли Новгород закроет ворота перед победителем, а войско крестоносцев выступит ему на помощь, ни Ярослав, ни Юрий не решатся на штурм. И даже против монголов можно помочь русам. В конце концов, на деньги самих новгородцев можно нанять достаточно большое число арбалетчиков, мастеров осадного дела, привлечь безземельных рыцарей, добывающих пропитание мечом, а уж после того как новгородцы сами впустят крестоносцев в свой город, какая сила заставит орден его покинуть?

Но вслух ландмейстер Ливонской комтурии сказал, конечно, иное:

– И что же, монголы действительно так сильны?

В этот раз, прежде чем ответить, русы обменялись короткими красноречивыми взглядами, после чего темноволосый посланник промолвил прямо:

– Мы сражались с ними под Переяславлем-Рязанским в составе тысячи, что княжич Александр отправил на помощь дядьке. И да, они очень сильны. Прежде всего, своей многочисленностью. Юрий собрал на помощь Рязани могучую рать, числом превосходящую твою комтурую. Считая и рыцарей, и сержантов, и местное ополчение, и наемников, славный ландмейстер. Но даже эта рать едва ли не вдвое уступала ордынской тьме! А ведь с нами сражались не более половины поганых Батыя. В основном это легкие всадники, вооруженные, однако, мощными составными луками – стрела из них летит очень далеко и может пробить кольчугу даже наконечником-срезнем. Однако у ворога было достаточно и закованных в дощатые брони гридей, а главное, у них рать поделена на десятки, сотни и тысячи, и темники с легкостью управляют ею на поле боя. При этом вои монголов беспрекословно подчиняются своим военачальникам и не смеют отступать без приказа, даже проигрывая и неся большие потери. Самое же страшное, что новые агаряне, в отличие от других степняков, имеют пороки, с помощью которых крушат деревянные стены наших крепостей. Никогда еще кочевники не имели осадных орудий, и это делает их воистину страшным для нас врагом.

Дитрих фон Грюнинген ни на мгновение не усомнился в речах русов: оба посланника выглядели искушенными, крепкими воинами, не бросающими слов на ветер и не привычными придумывать рассказы о своих подвигах или же со страха в десятки раз преувеличивать число врагов. Пусть даже их слова вряд ли являются истиной – не может быть, чтобы число монголов было вчетверо, а то и впятеро больше воинов в его комтурии! – но все же враг серьезный, это очевидно. Да и потом, слабый враг не расправился бы с Хорезмом на пике его могущества...

Сделав небольшую паузу, русич продолжил:

– К слову, псковичи ждут возвращения изгнанного из града князя Ярослава Владимировича – насколько нам известно, сейчас он живет в Дерпте. Так вот, когда вы проверите правдивость моих слов и соберете воинов, созовете ополчение и выступите к Пскову, Степан Твердиславич постарается выманить из города присланную князем новгородскую дружину и назначенного посадника. Эти вои верны Ярославу Всеволодовичу, и сейчас убрать ратников из града невозможно, но мы не хотим крови сородичей и сумеем обманом призвать их в Новгород, когда орден будет готов начать действовать. Связь со Степаном Твердиславичем вы будете поддерживать через нас, но пока вы проверяете мои слова и готовитесь к походу, мы на время покинем Ливонию и отправимся в земли свеев. В Новгороде уже известно, что папа Григорий Девятый объявил новый крестовый поход на Ямь и Сумь и что свеи задумываются над тем, чтобы ударить и по нашим землям. Мы желаем заранее упредить их удар, предложив союз, и попросить помощи против Всеволодовичей, а главное – против монголов. За нее мы готовы уступить свеям Ладогу, коли те не станут мешать нашей торговле с Готским берегом и Любеком и не примутся давить купцов пошлинами.

Дитрих фон Грюнинген лишь согласно кивнул, про себя, однако, дивясь осведомленности новгородских посланников и хитрости их посадника. А заодно делая в уме зарубку насчет монголов: коли новгородцы готовы отдать шведскому королю Альдеборг, значит, опасность со стороны новых агарян действительно весьма существенна. В таком случае встретить неизвестного врага действительно стоит на чужой земле, и шведские рыцари станут естественным союзником в будущей войне со степняками.

Между тем русич продолжил:

– Наконец, у нас к вам еще одна просьба, славный ландмейстер. Степана Твердиславича беспокоит то, что в спину ордену, когда рыцари уже выступают на помощь Новгороду, могут ударить литовцы. А также то, что к победителю в междоусобной брани братьев могут прикнуть князя Смоленска и Полоцка. И тогда сил напасть на Новгород у взявшего верх во вражде хватит наверняка. Чтобы избежать этого, не лучше ли будет заранее натравить язычни-

ков-литовцев на земли князей, способных стать союзниками одного из Всеволодовичей? Ведь если до ушей литовцев дойдет весть, что ослабевшие западные княжества *наверняка* не получат помощи от победителя Усвятской сечи, чьего имени они с тех пор страшатся, словно огня... Если узнают они о междоусобице Всеволодовичей, если хотя бы некоторые вожди язычников призовут напасть *именно* на Полоцк и Смоленск, получив богатые дары... Но к сожалению, руки новгородского посадника слишком коротки, чтобы совершить задуманное. Однако у него достаточно золота для даров. А вот крестоносцы, насколько нам известно, имеют куда большее влияние в Литве – по крайней мере, на некоторых языческих вождей. И если мы придем к соглашению, то, отправив верного человека в Псков, мы обеспечим вас всем необходимым, чтобы добиться нужного решения литовцев. Злата и серебра вам предоставят в достатке, заранее обговорив условия передачи. А вот средства для набора наемников вы получите уже тогда, когда поможете Новгороду добиться независимости от князей. Ведь наемные баллистарии нам нужны именно против монголов.

Дитрих фон Грюнинген вновь согласно кивнул – озвученное предложение было крайне мудрым и здравым, хотя одновременно с тем и неожиданно коварным. Однако же русам ведь не привыкать лить кровь сородичей и братьев по вере, как своими руками, так и руками язычников. Одни призывания куманов в междоусобных войнах князей чего стоят... Впрочем, разве в германских или франкских землях все обстоит иначе?!

Ландмейстер, выждав небольшую паузу и стараясь не выдавать своей радости, согласно склонил голову, стараясь при этом придать себе сверхважный вид человека, от чьего решений зависят судьбы государств. Хотя ведь в этот миг так оно и было!

– Все вышесказанное радует мое сердце, уважаемый посол. Я верю, что вас послал ко мне сам Господь! И хотя я обязан обсудить предложение Степана Твердиславича на высшем капитуле, но лично я искренне желаю помочь Новгороду добиться независимости от власти князей. И выстоять в случае, если монголы действительно дойдут до стен вашего славного града. Но, как ты и сказал, прежде мы также должны убедиться в правдивости твоих слов, однако сам я не нахожу в них обмана, посланник. Сейчас вам со спутником предоставят все необходимое для отдыха и накормят вас. Когда же вы восстановите силы, мы также предоставим вам отряд конных сержантов во главе с братом-рыцарем, что проводят вас до Ревеля. И уже в Ревеле обязательно найдут корабль, что доставит вас в Уппсалу.

Дитрих на мгновение замялся, но после все же решил уточнить:

– Быть может, я невнимательно слушал вас, но я не помню, чтобы вы называли свое имя. Новгородец дружелюбно улыбнулся ландмейстеру, выслушав перевод толмача.

– Как кажется, я должен просить прощения за то, что не назвал. Этого славного малого, – тут посол указал на своего могучего телохранителя, – зовут Микулой. Мое же имя – Георгий, хотя чаще по старинке кличут Егором.

Глава 2

– Обратится он в высший капитул! Как же...

Вовремя себя оборвав, так и не закончив короткое высказывание словами «на Псков ведь в 1240-м пошли, ничего не сообщив ни магистру, ни в Рим», что, безусловно, вызвало бы лишние вопросы, я бросил осторожный взгляд на Микулу, греющегося у открытого очага и одновременно с тем обжаривающего прямо в его пламени добрый кусок оленины на кости. Богатырю вся моя затея не нравится, ему мой ход с интригами поперек сердца – это ж надо, самым врага на Русь призывать! И как тут ему объяснишь, что в период с 1238 по 1242 год и литовцы, и шведы, и ливонцы-крестоносцы нанесут ряд ударов по Руси с северо-запада? Как тут объяснишь, что я *точно* знаю это? Признаваться в послезнании человека из будущего невозможно, остается объяснять это провидческими снами, которых на самом деле с января не было ни одного. В мои пророческие яви северянин вынужден верить, но все одно – интриги и «долгоиграющие партии» явно не для Микулы.

Зато в качестве телохранителя и надежного соратника, который, во-первых, стоит доброго десятка воев в схватке, во-вторых, при случае закроет меня собой от вражеского удара и, в-третьих, с первого дня сражается бок о бок со мной – в этом качестве Микула лучший кандидат на роль спутника. А что касается его молчаливого неодобрения, так главное, что план мой приняли князья, оба брата Всеволодовича.

Счастливая мысль о том, что северо-западная Русь поспешит войти в новорожденное царство Русское в случае, если на княжества крепко нажмут западные враги, пришла мне в студеные дни путешествия во Владимир. Впрочем, это были счастливые дни, ведь рядом со мной все время находилась возлюбленная – красавица Ростислава, к тому моменту ставшая уже законной супругой: со смертью Михаила Всеволодовича уже никто не мог воспротивиться неравному браку (как бы ужасно это ни звучало). Мы часы напролет миловались в крытых санях, и пусть беременность еще не наложила своего отпечатка на красоту юной княжны, но уставала она уже гораздо быстрее, чем осенью, когда девушка проводила в седле по несколько часов кряду. И вот в те сладкие моменты, когда она доверчиво прижималась ко мне, прикладывая голову на плечо и вложив свои тонкие, изящные пальчики в мои ладони (чтобы грел!), я и вдохновился до настоящей интриги. Интриги, которой, как кажется, средневековая Русь еще не знала.

Суть ее такова: жизненно необходимо в самый короткий срок спровоцировать всех потенциальных западных противников Руси атаковать совместно, позволив разбить себя. И тем самым обезопасить западный фронт от удара в спину во время очередного нашествия татар. А заодно подтолкнуть слабых князей Смоленска и Полоцка присоединиться к нашему царству, да вместе с ними и богатый, вольный Новгород, уже сейчас мечтающий о независимой вечевой республике.

Свой план я изложил на совете князей уже после того, как князь Юрий Ингваревич присягнул Юрию Всеволодовичу. А последний, с одной стороны, напуганный татарами, с другой, воодушевленный идеей собрать Русь воедино, провозгласил-таки себя базилевсом, пусть и после продолжительных увещаний. Все же предприятие для Руси небывалое, до Грозного Ивана, крутого со всех сторон мужика, у нас о царстве не помышляли. Да и венчание на царство Иоанна Четвертого имело под собой фундамент в виде его бабки Софии Палеолог, давшей династии Рюриковичей кровь последних византийских императоров, а также и их притязания...

Но Юрий Всеволодович не был категорически против идеи провозглашения себя базилевсом – плох тот князь, кто не хочет стать императором! Шутка, конечно, но ведь неслучайно князья Владимира провозгласили себя Великими – амбиции лидеров, а то и собирателей Руси

у них были всегда. Конечно, хорошо бы в базилевсы было двинуть кого помоложе да порешительнее, но тут именно старшинство Юрия вышло на первый план. И все же он согласился, выслушав воеводу Еремея Глебовича и старшего сына Всеволода, нагнавших на князя жути о возможностях и многочисленности татар! И уступив главному логичному аргументу, именно мной вложенному в уста правителя Рязани: Русь выстоит, только объединившись.

Однако даже после провозглашения новоявленного русского базилевса все зависело от его младшего брата. Откажись Ярослав присягнуть, откажись привести Новгород под руку Владимира, и все «царство» наше состояло бы из зимой сложившегося союза двух княжеств, чью боевую мощь уже подорвал первый удар Батыея. Н-да... Пожалуй, это было самое узкое место моего плана – окажись Ярослав честолюбцем, готовым бороться за свою гордость даже перед лицом смертельной опасности в лице татар (а что, Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и иже с ними так и поступили), и вся моя задумка посыпалась бы, словно карточный домик. Но на первое личное послание старшего брата, младший ответил согласием, и вот с этого момента интрига и закрутилась.

Итак, совсем недавно получивший «официальный запрос» от Юрия с требованием ему присягнуть, Ярослав Всеволодович во всеуслышание возмутился притязанием зарвавшегося владимирского князя. И тогда свежеиспеченный император во главе личной дружины двинулся к Торжку. Собственно, сил у него немного, не более трех тысяч воев, большая же часть ратников собрана сейчас как раз в Рязанском княжестве и в Нижнем Новгороде. Там, где ожидается возможный удар татар и где активно готовятся его остановить – вмораживают рогатки в речной лед, усеивают его «чесноком», перекрывают дороги-зимники со стороны степи и Булгарии засеками и также засыпают железными рогульками. Жителей приграничья массово переселяют в посады крупных городов, а стены и валы порубежных крепостей заливают водой, чтобы покрыть их толстой ледяной коркой. Кузнецы без устали куют топоры, шлемы и стальные умбоны для щитов ополченцев, а последних старательно готовят в обоих княжествах. В Рязани и Муроме налаживают также производство моих станковых стрелометов, а в Чернигов отправился Коловрат с задачей подкупом или даже силой сманить мастеров, способных собирать настоящие пороки-каменеты.

На обратном же пути Евпатий должен захватить в Новгород-Северский: его правитель Мстислав Глебович, единственный из всех князей Северной земли пришел на помощь Чернигову во время осады его монголами в 1239 году. И к слову, нанес мощный деблокирующий удар, который татары с трудом отразили – сеча там была лютая... Храбрый воин пал в битве вместе с другими ратниками, сражаясь до конца, и это, пожалуй, лучшая характеристика нашего будущего союзника! Которому предложат помощь с вокняжением в Чернигове в обмен на присягу базилевсу и реальную помощь в борьбе с татарами. Собственно говоря, если мне не изменяет память, Мстислав и так предпринял попытку занять стольный град княжества, после того как его двоюродный брат Михаил Всеволодович (тот самый, что прокатил рязанцев с помощью против Батыея) занял освободившийся престол Киева. Вот только Мстислава Глебовича он из города выгнал, пожадничал, а после бросил на произвол судьбы и Чернигов, и Киев, трусливо бежав в Венгрию спасать собственную жизнь. Наверное, где-то в глубине души это малодушие терзало его сердце всю оставшуюся жизнь – не иначе поэтому, когда зашел вопрос о преклонении перед языческими идолами в ставке Батыея, Михаил Черниговский нашел в себе силы сказать «нет» и принять мученическую кончину. Как по мне, он сознательно пошел на смерть, искупая прежние грехи кровью – в буквальном смысле...

Но пока что Михаил Всеволодович далек от совершения духовных подвигов и как союзник совершенно бесполезен. Он скорее позволит пролиться крови русичей, чем уступит и присягнет Юрию, а вот его двоюродный брат гораздо более перспективен. Таким образом, все необходимое и все в принципе возможное для отражения нового удара татар нами уже сделано. Коли решатся поганые атаковать зимой – что же, их встретят многочисленные засады

небольших групп лучников, уходящих от преследования на лыжах и подготовленных к осаде крепости с сильными гарнизонами. А пока осажденные выигрывают время, князья успеют объявить новый сбор ополчения. Кроме того, очередной удар Батыя не должен стать для русичей неожиданностью – в разоренный монголами Булгар направлено множество лазутчиков из числа беженцев, нашедших приют на Руси. Беженцев, чьи семьи отныне примут на полное обеспечение князей – они не будут ни в чем нуждаться даже в случае гибели наших добровольцев-разведчиков, вернувшихся на свою родину.

Наконец, во Владимире готовится первое посольство в землю зихов, к царю Тукару – оно отправится в путь, как только на реках сойдет лед и Дон станет судоходным. Посольство станет первой ласточкой – наши посланники сообщат царю о возможном ударе поганых, предложат союз и помощь в борьбе с общим врагом. А в числе даров зихам будут предоставлены мастера, умеющие строить мои мобильные станковые стрелометы. Заодно будет уточнено и общее положение дел в охваченной междоусобной бранью Алании, и прощупана почва на предмет помощи Тукара одному из сыновей базилевса Юрия, являющихся по бабке также и претендентами на престол распавшегося царства ясов.

Но это все касается монголов и противодействия их возможному удару, однако именно сейчас, с началом таяния снегов и скорым всеобщим бездорожьем, мы имеем солидную фору во времени, благодаря которой я должен успеть создать коалицию из шведов и крестоносцев. Ведь когда дороги высохнут, из Новгорода на Торжок двинется крупная рать возмущенных новгородцев во главе с не менее возмущенным Ярославом Всеволодовичем. Бьюсь об заклад, что подконтрольное местным «олигархам» вече гораздо быстрее и единодушнее проголосовало за то, чтобы биться с единоверцами и собратьями по крови за пограничный город княжества, чем выступить вместе с ними против язычников монголов.

Да и шут с ними. Власть купеческой верхушки и выборных посадников в Новгороде, преследующих исключительно свои интересы, скоро канет в Лету. Потому как только новгородская рать скроется из вида, Александр внезапно схватит посадника и наиболее одиозных представителей купечества, пытающихся выступить против князя. А как только город забуллит и начнет требовать их выдачи, княжич покинет его пределы с личной дружиной и боевыми отрядами верных бояр. И только они уйдут, как наши люди начнут сеять панические слухи о том, что «вот-вот на Неве высадятся шведы и пойдут на оставшийся без защитников Новгород» да что «с запада в пределы княжества вторглись крестоносцы». Поначалу эти слухи будут пугать только самых малодушных, но когда они получают реальное подтверждение... Для новгородской вольницы это станет отрезвляющим ледяным душем – так же, как и в реальной истории.

Александр, впрочем, уйдет недалеко – в Ладугу. Где местный воевода заранее соберет ратников и ополчение, и куда князь Ярослав заранее отправит верных лично ему и сыну дружинников из Переяславля-Залесского и Суздаля. Таким образом, под началом княжича окажется сил даже больше, чем у него было в реальной истории перед Невской битвой. Сторожи из местной ижоры будут своевременно предупреждены о скором появлении свеев, также выделяют своих лучших воинов княжичу, и ярл Биргер, которого мне еще только предстоит подтолкнуть напасть на Новгород, будет разбит, едва только вступив на Русскую землю.

А вот новгородская рать, так и не добравшись до Торжка, вдруг получит еще одну черную весть – крестоносцы осадили Псков! Да, никакого выхода гарнизона из города не случится, а объяснить это ландмейстеру я смогу тем, что заговор посадника раскрылся, и он не успел вывести дружину. Более того, в пограничное княжество перед самым вторжением отправится пусть небольшое, но подкрепление, с задачей подготовить крепость к осаде и также посадить под замок всех наиболее явных сторонников князя Ярослава Владимировича. Надеюсь, к этому моменту мы уже вернемся из Уппсалы, и я смогу помочь осажденным, сливая им планы ливонцев, находясь в ставке врага.

Ну а пока крестоносцы будут бодаться в закрытые ворота Пскова, ожидая, что предатели их откроют, Ярослав Всеволодович внезапно прозреет, осознав, что в минуту бедствия на отчей земле нельзя вести распрю, что старшинство в семье следует признавать. И, будучи последовательным, официально признает старшего брата базилевсом. А тот уже двинется от заблокированного ранее Торжка навстречу брату младшему и, простив тому все обиды при личной встрече, соберет под своим началом уже и новгородскую, и владимирскую рати и поведет их к Пскову.

Впереди объединенного войска будет выпущен целый веер конных разъездов, что станут перехватывать дозоры крестоносцев и малые отряды мародеров и грабителей, кои обязательно разойдутся по округе. Но даже если ливонцы решат отступить и отступят – не беда. Русские рати, включая владимирские, новгородские и псковские полки, догонят врага хоть у Дерпта, хоть у Оденпе и вынудят его принять бой на своих условиях. В смысле, имея численное превосходство...

Не все знают, но именно летом 1238 года, благодаря дипломатическому таланту магистра Тевтонского ордена Германа фон Зальца, между бывшими меченосцами и датчанами был заключен мирный договор в Стенсби, по которому Колывань-Ревель вернули Дании. Зато в дальнейшем датские рыцари пополнили ряды крестоносцев в битве на Чудском озере, да и в гораздо менее знаменитой Раковорской битве потомки викингов попортили кровь русичам. Вот так, вынуждая Дитриха фон Грюнингена ударить именно сейчас (ориентировочно в апреле), я лишаю его поддержки датчан. Да и значительных контингентов добровольцев из Европы он наверняка не успеет дожидаться. Так что я практически уверен в победе русичей – по крайней мере, ни о каком численном превосходстве ливонцев не может быть и речи.

Разбив же силы ордена в полевом сражении и вынудив крестоносцев заключить мир на условиях базилевса Руси, русская рать повернет на юго-запад – если, конечно, литовцы рискнут напасть на Смоленск и Полоцк. Впрочем, в реальной истории ведь рискнули, вроде как в этом же году, так отчего бы им не совершить набег сейчас, на наши же деньги?! И опять же, в реальной истории Ярослав без труда отбил Смоленск – что помешает ему сделать это с очевидно куда большей ратью?

А вот после, когда братья с триумфом вступят в Новгород во главе спянного общими победами войска, когда вскроется правда о том, что крестоносцев и шведов приглашал посадник и его сподвижники, тогда уже никто не посмеет сказать что-то против присяги базилевсу. И да, вечевой колокол будет вывезен, а наместником Юрия в Новгороде станет князь (уже князь!) Александр Невский. Надеюсь, племянник новоиспеченного императора и в этот раз заслужит свое прозвище-титул... Собранный же Всеволодовичами рать – а я надеюсь, что в нее войдут и полоцкие, и смоленские дружины – в полном составе направится на юг. Если успеем до удара Батыя, то поможем Мстиславу Глебовичу взять Чернигов и собрать войско северян, включая и ковуев; если нет, то и этих сил будет достаточно для того, чтобы дать монголам равный бой.

А вот ежели черниговскую рать удастся собрать до второго вторжения или оно и вовсе не последует этим летом – что же, тогда войско базилевса нагрянет в Волжский Булгар с ответным визитом. Благо храбрые булгары в моем прошлом оказывали врагу яростное сопротивление, поднимая восстания аж до 1278 года, а в 1239-м, к примеру, им удалось целиком освободить свою страну.

Правда, поднятое сыновьями последнего эмира восстание, быть может, самое крупное и успешное за всю историю монгольских завоеваний, было показательно утоплено Батыем в крови.

Однако же, ударь мы по Булгару этим летом, сама земля запольхает под ногами поганых. И наши шансы на победу мне совершенно не кажутся призрачными – вполне может случиться так, что монголы будут разбиты окончательно. А древняя Русь обретет настоящую государственность не в пятнадцатом веке, а заметно раньше, что изменит не только историю будущей России, но, быть может, и всей Европы.

Вот только как бы ни были хороши мои планы в мыслях, но, как там говорится в поговорке, гладко было на бумаге, да забыли об овраге... Разработанная в считанные дни, в течение которых я всю голову сломал, чтобы согласовать этапы операции по времени, она завязана также на мне. Ибо исполнение столь грандиозной интриги я не смог доверить никому другому. Но между тем мне будет достаточно просто простыть и слечь с температурой, чтобы сроки воплощения планов сдвинулись бы и все события пошли бы вразнос. Да и не может все пройти так гладко, просто не может...

Но ведь попытаться мы должны в любом случае. Я должен! Ради будущего пока еще не родившегося ребенка, чью мать я вынужденно оставил во Владимире, четко осознавая, что никто, кроме меня, не сумеет осуществить мною же задуманное.

Вопрос только, удастся ли это и мне самому?! Или тысяча любых непредвиденных случайностей изменят ход событий хоть даже на прямо противоположный?! Например, свеи и ливонцы не смогут согласовать даты нападения на Русь, или Псков все же сдадут предатели, или передовые разъезды новгородской и владимирской ратей встретятся и завяжут бой до того, как братья примирятся? Или Александр не сумеет вывезти посадника из Новгорода, или Батый ударит всей мощью по Нижнему Новгороду, прорвется и скорым маршем двинет ко Владимиру?!

Увы, все предвидеть просто невозможно...

Но все-таки я уже в Дерпте! И ландмейстер ливонского ордена Дитрих фон Грюнинген, очевидно, заинтересовался моим предложением. И пусть я никак не могу ручаться за успешное воплощение моих задумок, все же начало *уже* положено...

Глава 3

– Чего ты смурной такой, друг мой?! Я уж несколько седмиц улыбки на твоём лице не видел!

Микула, лишь чуть скосивший в мою сторону глаза, ответил односложно:

– Поганое место. И на душе как-то... Непокойно.

Мою наигранную веселость как рукой сняло. Отстав от соратника, я вновь настороженно оглянулся по сторонам, пытаюсь понять, откуда можно ждать опасности. И тщетно пытаюсь избавиться от вымораживающего ощущения чужого, враждебного взгляда, направленного мне в спину из-за стены деревьев, плотно обступивших дорогу. Собственно, я и Микулу попытался расшевелить только потому, что от угрюмого молчания и собственных нехороших предчувствий стало просто невыносимо.

Н-да, сколько раз мы вот так вот устраивали поганым засады! Обстреливали их из-за деревьев, рассыпали «чеснок» перед их колоннами, топили лед, а после маскировали проруби снегом, наброшенным на тончайшую ледовую корку. А вот оказаться на месте поганых довелось впервой. Нет, нас пока еще никто не атаковал, и в грязи вроде бы не заметно «чеснока», но, зараза, ведь полное ощущение, что рядом, уже совсем рядом находится враг, готовый атаковать нас с минуты на минуту.

– Отто! Не стоит ли твоим людям облачиться в броню? И изготовить к бою самострелы? Уж больно удобное место для засады!

Место действительно удобное – густая дубрава, сквозь которую пролегает проселочная, ныне раскисшая дорога, будто стиснула ее, готовая окончательно поглотить в своих темных недрах. Укрытие для стрелков едва ли не идеальное. Если, конечно, забыть, что и им придется топтать собственными ножками по рыхлому, вязкому снегу. И скорость у нас совсем низкая: копыта бедных лошадей едва ли не утопают в вязкой жиже из подтаявшего снега и грязи. Очень скоро этот путь станет и вовсе непроходимым, но нас подгоняет вперед чувство долга и знание того, что до Ревеля осталась всего пара дневных переходов.

Командир нашего эскорта рыцарь Отто (мне он так и представился – «просто Отто», без всяких там фон Зальца или фон Грюнинген) остановил жеребца. Белый плащ с красным мечом бывшего меченосца (а ныне ливонца) забрызган густой грязью примерно до середины, а у животного, на котором он путешествует, относительно чистой осталась лишь голова. Чуть более рослый боевой конь, следующий справа от крестonosца (можно сказать, «дестриэ», ведь изначально термин и переводился как «конь, следующий справа»), выглядит почище. У него липкой грязью измазаны лишь ноги до самого туловища.

Оглянувшись по сторонам с искренней, неподдельной ненавистью ко всему, что его окружает, Отто (единственный из всего конвоя более-менее способный понимать и изъясняться на речи русов) с сомнением посмотрел на боевого жеребца. Также единственного во всем немногочисленном отряде, состоящем, помимо рыцаря и его оруженосца, из десятка сержантов-полубратьев и нас с Микулой. Видать, представил себе, что придется пересаживаться, неизбежно опустившись в вязкую грязь недешевыми кожаными сапогами, да еще натягивать на себя неудобные кольчужные чулки поверх шоссов, крепящиеся к поясу, а после мучиться с хауберком, надеваемым поверх стеганого гамбезона. А ведь хауберк – это же полноценный кольчужный костюм, включающий в себя и капюшон-койф, и рукавицы, и крепятся они на застежки, и в одиночку облачиться в броню решительно невозможно!

И даже мне стало не по себе от ожидающих ливонца мучений.

Конечно, при необходимости ему поможет Дитрих – юноша-оруженосец из благородной, но давно обедневшей семьи, отправившийся в Ливонию одновременно и от безысходности, и увлеченный романтикой крестовых походов да рыцарского братства. И ведь, зараза, по моло-

дости лет они здесь едва ли не через одного горячие романтики-фанатики, что добавляет им упорности да храбрости в битве. Но даже с помощью Дитриха Отто провозится с броней не менее десятка минут, и понимание внутренних переживаний рыцаря вызвало у меня невольную улыбку.

– Да облачись ты в хаубергион, у тебя же кольчуга отдельная! И добавь к нему койф – уже что-то.

Хаубергион – это основа хауберка, столь популярная на Руси кольчужная рубашка, коей пользуемся и мы с Микулой. Из всех воинов отряда подобная броня есть лишь у нас (дополненная стальными наручами) да у Дитриха. Сержанты защищены лишь стегаными кафтанами-гамбезонами (а некоторые и акетонами с короткими рукавами), поверх которых накинута серые плащи полубратьев. Зато у всех имеются шлемы – простые айзенхуты (железная шляпа с полями) или совсем дешевые «таблетки». А также перекинутые за спины треугольные щиты. Оружие у крестоносцев также разномастное – у рыцаря и оруженосца есть копья, мечи и кинжалы, а также шестопер у Отто и секира с узким лезвием у Дитриха. Четверо сержантов вооружены лишь арбалетами и широколезвийными кинжалами, остальные полубратья – топорами и разного вида булавами.

Услышав и, как кажется, поняв мое предложение, Отто позволил себе невеселую улыбку, после чего отдал негромкий приказ. Не зная немецкого (ни «основного государственного», ни одного из многочисленных диалектов, ходящих по германским землям), я не разобрал слов, но, похоже, ливонец все-таки приказал своим людям изготавиться к возможной засаде. Ибо тут же завозились арбалетчики, доставая пеньковые тетивы из кожаных чехлов, предназначенных для защиты от влаги, а остальные сержанты принялись перевешивать щиты из-за спин и доставать шлемы из седельных сумок. Дитрих же, коего рыцарь повелительно подозвал жестом руки, с готовностью направил коня к своему сеньору – по всей видимости, помочь с облачением в броню.

Переглянувшись с Микулой, мы одновременно с ним потянулись к упрятым в седельных сумках кольчугам, тускло, маслянисто поблескивающим после обильной смазки, предотвращающей губительную ржавчину. И в этот миг я услышал едва различимый звук, раздавшийся чуть впереди, от которого все нутро аж скрутило – сотни раз слышавший тонкое треньканье тетивы, я не мог ошибиться и в этот раз. Причем, как кажется, сыграла не одна тетива, а раздались хлопки как минимум двух луков...

Трех.

Трех луков.

Коротко свистнув в воздухе, первая стрела пролетела мимо рыцаря, по касательной задев левое плечо вскрикнувшего от боли и неожиданности оруженосца. Вторая ударила в шею вначале тревожно, а после протяжно заржавшего от боли коня. Третья же, отправленная в полет одновременно с первыми двумя, вонзилась точно в грудь крестоносца.

Отто повернулся в седле, посмотрев прямо на меня, и в его взгляде я успел прочесть ужас и неприятие происходящего, будто он так и не сумел поверить ни в нападение, ни в собственную смерть. А после рыцарь, главная ударная сила отряда, накренился в сторону и безвольно вывалился из седла под копыта жеребца.

И только в этот миг, спустя десяток-другой секунд с начала нападения, с меня словно слетело сковавшее тело оцепенение.

– Микула, вперед! Нужно прорываться!

Находясь посередине конвоя, я первым ударил пятками в бока сменного в Дерпте жеребца, пребольно его прищпорив и направив сквозь строй всадников. Но сейчас не до сантиментов и жалости к животному, главное – уйти из-под обстрела вражеских лучников.

Ни достать кольчугу, ни натянуть на собственный составной лук тугую тетиву из животных жил, ни даже просто перевесить щит на левую руку, закрыв сердце – ничего этого я не

успел, сделав ставку на скорость и на то, что целиться сбоку по скачущему всаднику крайне непросто.

Сзади зачавкали по грязи копыта более крупного скакуна Микулы, подали было вперед коней полубратья-сержанты. Но мгновение спустя из-за деревьев на дорогу с яростным ревом высыпало десятка полтора мужиков в лохмотьях, сжимающих в руках заостренные колья, что-то вроде деревянных двузубцовых вил, да топоры, и побежали к нам навстречу.

Приехали...

Осадив коня, я с отчаянием оглянулся назад, но и позади отряда ливонцев на дороге показались ревушие разбойники. Или некстати напавшие на крестоносцев повстанцы-эсты,ждавшие удобного момента и атаковавшие врага до того, как последний изготовился бы к бою. Повинуясь приобретенным на войне с погаными рефлексам (или же инстинктам носителя), я успел распластаться на холке жеребца прежде, чем свистнувшая над ухом стрела впи-лась бы мне в незащищенную грудь. А после почувал легкий толчок в тело жеребца, услышал его отчаянное ржание, столь похожее на человеческий вскрик. И едва успел высвободить ноги из стремян да соскочить на землю, перекатившись по грязи в сторону от поднявшегося на дыбы коня. Секунду спустя животное поймало еще одну стрелу в живот и тяжело рухнуло набок.

– Егор!

С отчаянным, испуганным криком северянин, успевший перехватить щит (из которого уже торчит одинокая стрела), спешился на ходу – чрезвычайно ловко для габаритов могучего порубежника! Он тут же подскочил ко мне, закрыв от набегающего врага, и я с усилием поднялся из грязи, наконец-то потянув из-за спины собственный щит.

Первый из эстов (разбойники или «партизаны» – это, очевидно, эсты) уже практически добежал до замершего в защитной стойке Микулы, но тут же упал, отброшенный назад арбалетным болтом, тяжело ударившим в грудь ворога. Освобождая клинок из ножен, я на мгновение обернулся назад, заметив, что не растерявшийся Дитрих, успевший вздеть на голову остроконечный шлем с чуть загнутым верхом (сделавший его похожим на знаменитый фригийский колпак), повел вперед четырех сержантов. Набирая ход, он склонил к врагу собственное копьё и закрылся овальным щитом с тевтонским черным крестом, на мгновение став похожим на настоящего рыцаря. Помогая своим, по чудинам открыли огонь арбалетчики, свалив двух человек и ранив еще одного, дав мне время окончательно прийти в себя.

– Микула, давай в сторону, а то ливонцы лошадьми затопчут!

Северянин тут же шагнул от дороги, освобождая путь всадникам, за ним последовал и я, закрыв соратника щитом с правого, незащищенного бока. Но вражеские лучники уже перенесли огонь на ливонцев. Всхрапнул, сбился с шага поймавший стрелу в грудь конь оруженосца; дико взвизгнул, упал раненый в шею скакун следующего позади сержанта, преградив путь остальным полубратьям. А мгновение спустя пала и лошадь Дитриха, чудом не подмяв собой наездника, вылетевшего из седла прямо под ноги радостно завопившим эстам.

– Се-е-е-е-ве-е-е-р!!!

Плевать, что язычники эсты наши потенциальные союзники, а католики крестоносцы – смертельные враги: сейчас все с точностью до наоборот! Последние по воле судьбы стали нашими соратниками, братьями по оружию. И пусть вынужденно, но мы должны помочь ливонцам ради общего спасения.

Я вырвался вперед, лихо рубанув по деревянному, оструганному и обугленному на конце колу, отведя вражеское оружие в сторону, и тут же протаранил щитом державшего его чудина. Противник упал спиной в грязь, а следующий рванул ко мне, держа в руках занесенный для удара топор. Присев на коленях и подняв над головой щит, я полоснул клинком по незащищенному животу вскрикнувшего от боли врага и тут же выпрямился, приняв на защиту укол настоящего копья. С ходу рубанул в ответ, силясь отвести древко в сторону, но атаковавший эст (уже третий!) умело отдернул оружие, проваливая меня в удар.

И тут же уколол в ответ.

– А-а-а-а!!!

Широколезвийный листовидный наконечник вражеского копья задел мои ребра уже вскользь, прорезав стеганный кафтан, заставив меня непроизвольно вскрикнуть от боли. Правда, за миг до того я успел дернуться влево и практически уйти от вражеской атаки. Практически.

Зато боль меня подстегнула.

– Н-н-н-а-а-а!!!

В этот раз клинок все-таки попал по древку копья у самого наконечника, отведя оружие противника в сторону, а в следующий миг я стремительно шагнул чудину навстречу, одновременно выбросив правую руку в длинном выпаде. Зауженный у острия романский меч впился в горло захрипевшего эста, практически без сопротивления погрузившись в его гортань чуть ниже кадыка.

Совершенно не вовремя подумалось о том, что я очень удачно заменил саблю (вызвавшую бы слишком много вопросов к «новгородцу») именно капетингом, а не устаревшим каролингом с чересчур широким и не всегда заточенным острием, не слишком удобным для уколов. Он, однако, все еще имеет хождение на Руси... А следом голова моя взорвалась чудовищной болью в левом виске, и в глазах потемнело, а пришел в себя я уже лежа в грязи, сбитый с ног размашистым ударом вражеского кола. Именно ударом – профессиональный, точный укол бы я не пережил, а тут просто долбанули, словно битой.

Рубанувший по воздуху перед собой Микула отогнал отправившего меня в нокдаун противника и замер над моей брэнной тушкой. Замер, полуокруженный четырьмя эстами с кольями в руках, пока не решающимися атаковать. Короткой паузой я воспользовался, чтобы осмотреться, и глухо ругнулся сквозь зубы. Чудины, напавшие на конвой с хвоста, уже набросились на прикрывающих арбалетчиков сержантов, на моих глазах свалив коня одного из полубратьев, всадив в грудь животного сразу два кола. Орденские же стрелки перенацелились на атаковавших их эстов, а из щитов, прикрывающих их спины, торчит уже по одной, а то и по две стрелы. Самый же неудачливый арбалетчик распластался на земле с пробившей горло стрелой, застряв одной ногой в стремени. Зато бежавшие к Дитриху чудины замедлились из-за нашей с Микулой атаки, позволив трем сержантам успеть прорваться к оруженосцу и прикрыть его щитами.

Вроде не все так плохо...

Я поднялся на ноги одновременно с началом атаки копейщиков, налетевших на северянина. Одновременно два укола в щит его даже не пошатнули, атаку третьего врага (у которого из кола торчит внушительный заостренный штырь) порубежник умело парировал ударом клинка. А вот четвертый выродок уже крутанул свое дреколье, готовый приложить им сбоку по голове Микулы – точно так же, как несколько мгновений назад приложил мне самому.

– Получай!

Перехватив меч за лезвие, я метнул его с шести шагов, словно дротик, чуть наклонив к земле, и острие клинка вонзилось в живот моего обидчика, не дав ему оглушить друга. Секундой спустя вырвав из ножен и кинжал, я перехватил его за лезвие и тоже бросил. Только в этот раз угодила рукоятью куда-то в район рта эста с полукопьем, но все же сумев ошеломить его. Понадеявшись успеть, я ринулся к дезориентированному врагу с одним лишь щитом, в то время как Микула обрушился на оставшуюся пару чудинов с неотвратимостью штормовой волны.

Шаг, другой, третий! Но мой отчаянный рывок к эсту за время форы, подаренной неудачным броском, не имеет успеха: враг вовремя опомнился и выставил прямо перед собой кол со штырем. После чего отступил назад на два шага, оскалив рот в гримасе ярости... Замер на

мгновение и я, прикрывшись щитом. А после рванул в сторону к сраженному собственным мечом эсту, одновременно уходя от укола врага.

Еще три шага – и я падаю на колени рядом с убитым, прикрывшись щитом и одновременно с тем сомкнув пальцы на рукояти клинка, торчащего из живота бьющегося в конвульсиях эста...

Удар!

– Твою же ж...

Противник, недолго думая, атаковал, вложив всю силу и вес тела в укол, и узкий штырь его полукопья просадил не столь уж и толстую доску защиты насквозь. Он впился в бицепс левой и заставил меня зашипеть одновременно и от боли, и от ужаса. Столбняк ведь могу подхватить на раз-два! Но заполонивший душу страх разжег и ярость, словно порыв ветра жаркое пламя, и, освободив меч, я одновременно с тем рванул щит влево, вставая на ноги. Бицепс, в котором застрял штырь, обожгло острой болью, и пелена ярости окончательно затмила мой взгляд, толкнув к безоружному противнику, от неожиданности выпустившему древко полукопья.

В следующий миг срубленная голова чудина подлетела вверх, а я, стряхнув с руки щит вместе с вражеским оружием, бешено зарычал и ринулся на тех эстов, что прижали сержантов и Дитриха.

Глава 4

– Сдохни!

Гневный выкрик совпадает с рубящим ударом моего меча, но в горячке я поспешил и атаковал издалека. Однако острое клинка все одно достало шею развернутого ко мне спиной эста с колом, перехватив тому шейные позвонки. Он рухнул вначале на колени, пару секунд спустя распластавшись на животе, а его товарищ успел только развернуться ко мне да поднять перед собой древко полукопья со штырем, близнецом оружия, меня ранившего. Отдернуть его назад и обратить против меня, отогнать неожиданно появившегося в тылу врага чудину не хватило времени – воздев меч над головой, я со всей силы рубанул сверху вниз, вложив в удар всю свою ярость и боль. Отвесно рухнувший клинок перерубил дерево и наискосок рассек грудину моего противника.

– А-а-а-а-а!!!

На мгновение потеряв равновесие, поскользнувшись в жидкой грязи, в следующую секунду я бросился к третьему врагу, яростно закричав. И все-таки упал на дорогу уже всем телом, наступив правой стопой в вязкую жижу, в коей она и завязла, и чересчур резко дернувшись вперед. Зато ударивший мне навстречу кол, коим эст лихо крутанул в воздухе перед собой, лишь просвистел над моей головой, разминувшись с ней на считанные сантиметры.

– Gott mit uns!!!

Лишь сдерживающие до того натиск чудинов сержанты наконец-то контратаковали прожеженную мной группу нападавших, яростно ринувшись вперед с древним боевым кличем германских крестоносцев. И эсты, до того с успехом теснящие полубратьев, держа их на расстоянии кольями и полукопьями со штырями (успев даже ранить одного из ливонцев), не смогли вовремя остановить стремительный натиск сержантов, подпустив их к себе на дистанцию удара топора или булавы. И только я успел подняться из грязи, как все уже было кончено – двое полубратьев, яростно рубя врагов секирами и круша моргенштернами, в считанные секунды перебили трех бездоспешных эстов.

Но еще не успел упасть наземь последний из разбойников (все-таки мне в душе проще считать их именно разбойниками, а не повстанцами), как вновь свистнула стрела. И ближний ко мне сержант, с замершей на губах счастливой улыбкой победителя (да торчащим из живота тонким оперенным древком), ничком рухнул на землю. Второй тут же отступил назад, закрывшись щитом, а я, едва поднявшись на ноги, вновь нырнул вниз, к павшему крестоносцу, надеясь разжиться его щитом. В груди между тем все аж заледенело от ужаса – лишь по счастливой случайности лучники не успели снять меня во время броска на эстов! А как только я вступил в схватку, стрелять они не решились, боясь задеть кого из своих... Я же в приступе ярости забыл о лучниках противника и единственном настоящем друге и соратнике на поле боя.

Подхватив треугольный щит павшего крестоносца, с черным тевтонским крестом, я приподнялся на колени и с облегчением нашел глазами спину невредимого Микулы, пятящегося в нашу сторону. Порубежник умело закрывается собственным круглым щитом и моим, рачительно подобранным по дороге, держа их одновременно обеими руками. Причем если первый он держит как полагается, за внутреннюю перекладину левой рукой, то в правой он сжимает плечевой ремень второго, закрыв им низ живота и ноги до колен. Умно...

Воспользовавшись короткой паузой в схватке, я оглянулся назад, рассчитывая найти арбалетчиков, и обреченно застонал, увидев, что в нашу сторону направляется последний верховой с выпученными от ужаса глазами. За спиной же его эсты добивают на земле стянутых из седел крестоносцев – окровавленное дреколье с пугающей частотой падает на дергающиеся лишь во время ударов изувеченные тела. Сержант, под которым убили коня, так и остался

лежать на земле, придавленный скакуном. То ли мертвый, то ли оглушенный, но в любом случае не боец.

А вот Дитрих, коего все же успели достать после падения на землю, уже точно доходит. Проникающее в живот ранение, нанесенное обструганным колом, не оставило ему ни единого шанса. И даже пострадавший в схватке полубрат по-прежнему сидит в грязи, прислонившись спиной к лошадиному боку. Бледный от потери крови или от страха, он безуспешно пытается остановить кровь из глубокой проникающей раны под правой ключицей, оставленной шипом, притороченным к древку полукопья.

Хреновы годендаги, блин, зародились, оказывается, не во Фландрии...

Итого уцелело всего два сержанта – тот, кто сражался рядом со мной, да арбалетчик. И еще мы с Микулой в строю. Против как минимум трех лучников впереди по дороге и не менее десятка чудинов, уже двинувшихся в нашу сторону, сжимая окровавленное дреколье в руках.

Сердце пропустило один удар – в воздухе над моей головой коротко свистнули две стрелы. И не успевший даже поравняться с нами верховой дернулся, а после безвольно обмяк на конском крупе, поймав одну стрелу в грудь, а другую в живот.

«Как-то быстро уполовинилось число боеспособных сержантов... И какие же, зараза, у чудинов меткие лучники!» – вот что пронеслось в моей голове, пока я лихорадочно соображал, как выбраться из смертельной западни.

Но ничего путного и толкового в моей голове так и не родилось.

А затем единственный уцелевший сержант отбросил топор и опустился на колени перед приближающимися эстами, глумливо посмеивающимися над его трусостью и, очевидно, уверенными в своем превосходстве и скорой победе.

И вот эти их усмешки, вкупе с жестом безволия крестоносца и собственным отчаянием – отчаянием оттого, что из-за какой-то хреновой засады весь мой план летит коту под хвост, – они вновь разожгли во мне пламя свирепой ярости. В следующий миг я перевесил щит за спину и стремительно шагнул к повернутому спиной ко мне ливонцу. После чего отвесно вогнал клинок в основание его шеи, казнив труса на глазах замерших от неожиданности чудинов, словно гладиатора на римской арене. Затем подошел к пытающемуся что-то произнести Дитриху, поднявшему руку в умоляющем жесте, и добил юнца, так и не ставшего рыцарем, вонзив острие меча в его горло. Парень в последний раз дернулся, и рука его безвольно упала, а обращенные ко мне глаза застыли, остекленели.

По-своему, я проявил милосердие – парень все одно был обречен, и при этом естественный конец его от раны в живот ну никак нельзя было назвать легким. А уж если бы стали добивать эсты... И ведь все в духе морали средневековой Европы, породившей даже по такому случаю кинжал милосердия, предназначенный для добивания – мизерикордию.

Эсты остановились, с интересом ожидая моих дальнейших действий, а я, с рыком выхватив клинок оруженосца из ножен, замер напротив них с мечами в обеих руках и закричал во всю мощь своего голоса:

– Берите все, что было у крестоносцев – оружие, броню, лошадей, – и уходите, отпустив нас! Или примите бой, но мы с собратом заберем еще много ваших жизней, прежде чем наши сердца остановятся! Мы русы и будем драться до конца. Но мы не враги вам – вы напали, и мы защищались. Однако мы все еще можем разойтись миром.

– Миром?!

Вперед вышел рослый светловолосый чудин, вооруженный полноценной боевой секирой с узким лезвием – видимо, вождь отряда. И он понимает мою речь – очень хорошо... Разве что успокоить разгневанного воина будет не так-то просто.

– Вы хотите мира, пролив нашу кровь?!

Поймав взгляд эста глазами и уже не отпуская его, я ответил спокойно, старательно держа голос:

– Именно миром. Мы пролили вашу кровь потому, что защищались, потому, что вы первыми напали на нас. Но мы не враги вам – мы враги крестоносцев. Пусть даже сейчас у нас короткое перемирие. И еще: убитые вами воины сопровождали нас в Колывань – сопровождали как послы.

Лицо чудина, искаженное гневом, не поменяло своего выражения, разве что он еще сильнее оскалился, готовый отдать приказ атаковать. И, поняв это, я резко вскинул меч, нацелив его острие в грудь противника, громко, яростно гаркнув:

– Подумай! Подумай, прежде чем продолжить бой, сколько еще храбрых мужей ты потеряешь сегодня в сече, вождь! Подумай и прими правильное решение! С оружием и бронями ливонцев, с их самострелами твой отряд усилится вдвое, даже втрое. Но коли вы нападете, у тебя не останется никакого отряда, а лишь жалкая горстка выживших.

Я оборвал себя на полуслове, не успев произнести вслух: «и сам ты вряд ли останешься жив». Потому как если в его отряде еще хоть кто-то разумеет мою речь, то вождь ни коем случае не примет мое предложение. Ибо отступить после последней фразы – значит прослыть трусом, потерять лицо. А здесь и сейчас люди, чтобы сохранить свое лицо, могут запросто пойти и на верную смерть. Вследствие чего я стремительно сбавил тон и сменил направление мысли.

– А ведь летом, когда главные силы ордена пойдут под Псков, разве тебе не пригодились бы живые воины? Да в бронях и с хорошим оружием в руках?! Подготовив ратников, ты сумел бы заставить ливонцев дорого заплатить за пролитую кровь твоего народа. Пролитую в Юрьеве и по всей чудской земле!

Я нарочно напомнил чудину про Юрьев, где эсты сражались плечом к плечу с новгородскими ратниками и дружинниками Вячко, напомнил о восстании 1223 года, коему оказали посильную помощь русичи, и воочию увидел колебание, сомнение на лице вождя. Тогда я решил, что нужно ковать, пока горячо.

– Ты спросишь, откуда я ведаю о том, что орден пойдет на Псков? Так вот знай, что мы не только послы новгородцев к ливонцам и свеям, мы еще и лазутчики. В Дерпте нам удалось узнать, что после того как просохнут дороги, орден тотчас начнет собирать войско, желая вторгнуться в земли Новгорода. А вот теперь нам нужно выведать планы и свеев, ибо последние затевают свой крестовый поход по воле папы римского. И именно для этого нам требуется попасть в Колывань как можно скорее.

Сделав крошечную паузу, я продолжил говорить, стараясь не отвлекаться на замерших в недоумении эстов, готовых в любой момент броситься на меня и Микулу, уже замершего за моей спиной.

– Подумай, вождь: мы, русичи, не твои враги. Зато у нас есть общий враг – крестоносцы! И пусть эта схватка есть чудовищная ошибка, но вознаграждением за пролитую кровь станет лучшее оружие и брони ливонцев. Мы с соратником также уступим вам наши собственные кольчуги и тугие составные луки, что умеют делать лишь степняки. Пущенный из них срезень летит далеко и пробивает даже кольчугу со стеганым кафтаном, а мы отдадим вам весь запас стрел, в том числе и с игольчатыми, и гранеными наконечниками. В обмен же позволь нам забрать лишь двух лошадей и поклянись, что не ударишь в спину!

С этими словами я сделал шаг вперед и воткнул острием в землю меч Дитриха.

– Берешь ли ты этот клинок как мой дар или решишься погубить еще многих своих мужей?! Ну же, решайся, вождь...

Клинок я воткнул перед собой не просто так – коли чудин схватится за него, а после все же попытается ударить, я успею срубить его первым, обезглавив отряд. Но в глазах вождя эстов уже нет прежней ярости и гнева. Остается надеяться, что среди погибших нет его родни, особенно павшей от моей руки или руки Микулы. И радоваться великой удаче, что вожак разумеет русскую речь. Впрочем, учитывая давние торговые и политические связи с Новгородом,

сильное русское влияние в Прибалтике до прихода германцев (ведь полочане и новгородцы собирали здесь дань), разумеющий меня эст не такое уж и великое исключение.

В тяжелой задумчивости вождь уставился на меч, кой для оборванцев его отряда выглядит сказочно богатым оружием (как, впрочем, и секиры, и булавы с шипастыми шарами-навершиями), затем перевел угрюмый взгляд на нас с Микулой... И, наконец, произнес:

– Значит, говоришь, заморские псы пойдут летом на Псков?

Я с готовностью кивнул.

– Да. И если вои твоего народа успеют приготовиться и ударят по ворогу, это будет очень хорошо. Но вот мой совет – дождитесь большой битвы русичей и крестоносцев. После нее ослабевший орден уже не сможет защитить свои замки от храбрых воев чудской земли, и она вновь станет только вашей.

Последние мои слова, как кажется, окончательно убедили вождя.

– Хорошо. Я отпущу вас, идите с миром.

Остро посмотрев на чудина, я возразил:

– Поклянись. Поклянись своим родом, своими богами, своей землей.

Эст, впервые за все время разговора позволивший себе легкое подобие улыбки, согласно склонил голову и торжественно произнес:

– Я, Дагмар, сын Ирмгарда, клянусь, что отпускаю вас без боя и не ударю в спину. Клянусь кровью и костями своих предков! Клянусь старыми богами, живущими в воздухе, в воде и капищах! Клянусь землей своего народа, что ныне попирают пришедшие из-за моря враги! Идите с миром.

Постаравшись не выдать себя чересчур облегченным выдохом, я отступил назад, вложив свой меч в ножны, и замер, вспомнив о лучниках.

– А стрелки, Дагмар, стрелки? Они не утыкают нас срезнями, словно подушки для иглолок?

Чудин усмехнулся чуть шире.

– Айвар, Вяйно, Индрек, бой окончен, выходите на дорогу! В русов стрелять не нужно!

Благодарно кивнув вождю, я снял ременную петлю тевтонского щита и приложил его к клинку Дитриха (сердце при этом все же легонько кольнула жалость по безвременно павшему юнцу).

– Удачи тебе, славный Дагмар, сын Ирмгарда. Надеюсь встретить тебя вновь в добром здравии, и не на поле боя, а в теплых и сухих чертогах, где мы насладимся печеным мясом вепря и хмельным медом!

Чудин вновь склонил голову, но уже без усмешки, серьезно. И я повернулся к нему спиной, при этом ожидая услышать сзади торопливые шаги и готовясь уклониться от предательской атаки, мгновенно вырвав из ножен меч.

Но ее так и не последовало.

В Колывань (или теперь уже Ревель) мы с Микулой прибыли к концу второго дня пути после засады – как я и рассчитывал. Вот только я не рассчитывал, что при этом меня всего будет колотить от озноба, бросая то в жар, то в холод после ранений.

Я обработал их, как смог, используя прокипяченные обрезки из запасной натальной рубахи в качестве бинтов и собранную на ближайшем постоялом дворе паутину в качестве антисептика, но помогло мало. И если резаную рану удалось затворить прижиганием, и она просто болит, то глубокий укол в левую руку имеет куда более худшие последствия. От мысли, что конечность стоит ампутировать, пока не начался некроз, я отказался лишь потому, что штырь мог вызвать банальное заражение крови, и в таком случае жить мне все одно осталось на «одну затяжку». Ну и вроде как отвратительно пахнувшая нагноившаяся рана, воспалившая руку так, что с нее практически невозможно снять кафтан, пока все же не чернеет, а именно

чернота тканей ведь признак гангрены? Или нет, но медицинских знаний, в отличие от исторических, мне конкретно не хватает.

А еще, наверное, мне было просто очень страшно даже представить себе, как мне будут резать руку и как я стану калекой. Если, конечно, не загнусь от потери крови.

К разболевшейся голове я все время прикладывал компрессы из ткани, внутрь которой был набит рыхлый снег, и все время пил – пил, пил, пил... Или ел чистый талый снег. Благодаря чему со стороны могло показаться, что у меня началось недержание (и кстати, я научился справлять малую нужду по-степняцки, с коня). Но, как кажется, именно этот «дренаж», наверняка ударивший по почкам, позволил мне все-таки добраться до Ревеля. Где заранее проинструментированный мной Микула после непродолжительных поисков нашел место на постоялом дворе и оставил там мою брентную, полудохлую тушку в ожидании собственного возвращения.

Сам порубежник отправился на поиски попутного до Упсалы (или хотя бы просто следующего в земли свеев) корабля. А ведь с учетом обстоятельств я всерьез вознамерился переложить на северянина исполнение задачи по науськиванию на Новгород свеев – конкретно ярлов Ульфа Фасе и Биргера из рода Фолькунгов, сосредоточивших в руках власть, сопоставимую с властью короля. Да, не по сердцу интриги правильному и честному, как добрый клинок, ратнику, вот только, если я действительно найду свой конец здесь, в землях чуди, лишь Микула сможет довести мою задумку до конца.

Глава 5

Внук «потрясателя вселенной» и сын Джучи, старшего из наследников великого Чингисхана, хан Батый стоял на уцелевшей стене некогда могучего, а ныне разоренного Булгара. Впрочем, даже монголам не удалось целиком уничтожить наследие храброго, воинственного и одновременно с тем развитого народа. Все еще устремлены к небу остроконечные минареты, все еще высится ближе к берегу Итиля соборная мечеть, каменные стены которой по-прежнему хранят следы страшного пожара, охватившего город во время штурма. Но взгляд ларкашкаки Западного похода устремлен не внутрь крепости – он обращен на запад, где за бескрайним снежным простором и стеной дремучих лесов простирается земля орусутов.

Злая земля народа, посмеявшего оказать монголам столь упорное сопротивление, что сам поход к последнему морю оказался под угрозой срыва.

Да, Гаюк открыто пошел против Бату-хана, вернувшись в Булгар. Сын императора Угэдэя обвинил его и в смерти родного брата Кадана, и в том, что в землях орусутов монголы потерпели тяжелое поражение, из-за которого нукеры перестали верить в их победу. И Мунке вместе с Бучеком, наследники Толуя, хранителя Монголии, поддержали Гаюка. Они едва не раскололи орду, желая увести на восток свои тумыны.

Родные же братья Бату ожидаемо поддержали его – первенец Джучи Орду, добровольно уступивший старшинство ларкашкаки, Берке и Шибан. А Байдар, сын Чагатая, и С, сын самого Чингисхана и старший из всех чингизидов в Западном походе, сумели остаться в стороне от распри. Известному своей тягой к знаниям и образованностью Байдару хватило мудрости скромно промолчать, когда четверо братьев встали против трех. А Кюльхан, кто по совести и должен был стать ларкашкаки, пусть и недолюбливал Батыя, но ту же нелюбовь питал ко всем своим племянникам. И когда они, схватившись за рукояти сабель, до хрипоты ругались на совете, определяющем дальнейшую судьбу Западного похода, Кюльхан лишь попивал кумыс, сидя на подушке, да довольно шурил отцовские тигриные глаза...

Распрю, однако, прервал Субэдэй, позволив темникам накричаться друг на друга, а после рыкнувший столь громко и зло, что чингизиды в изумлении замолчали, не ожидая такой мощи от старика. Батый невольно затаил дыхание, когда вспомнил, как неспешно поднялся сподвижник его деда, как его сухая, сутулая фигура вдруг словно обрела былую молодецкую мощь, а голос загремел под сводами шатра.

– Великий Чингисхан поручил мне подчинить орусутов, асутов, кипчаков и болгар, но пока мы покорили только болгар и отогнали кипчаков в земли бачжигит, что обрели пристанище на западе, за страной орусутов. И пока воля Тэмуджина не исполнилась, разве можем мы отступить?! Разве не твой отец, Гаюк, великий каган Угэдэй, объявил на курултае поход к последнему морю?! Разве не он приказал каждой семье нашей земли снарядить по одному нукеру?! Мы не можем сейчас остановиться и повернуть назад, иначе все покоренные один за другим восстанут против монгольского владычества, поверив, что нас можно победить!

Ненадолго прервавшись, багатур обвел горящим взглядом всех присутствующих в шатре, и Батый готов был поклясться, что сумел прочесть в нем и с трудом сдерживаемое отцовское горе, и дикую жажду мести убийцам сына. Однако в этот раз Субэдэй заговорил уже спокойнее.

– Мы проиграли не орусутам. Мы проиграли сами себе – точнее, проиграл я, понадеявшись, что нам удастся с легкостью захватить одно за другим поселения врага на их реках, где мы бы добыли продовольствие и хашар. Проиграл, поверив, что каган Юрги даст бой в порубежье и позволит истребить свою рать... Орусуты оказались умнее, орусуты оказались хитрее, орусуты оказались мужественнее в битве, чем я ожидал. Однако их мало – много меньше нас! И в поле мы разбили войско сильнейшего кагана их земли – кагана Улайтимура. Да, враг сумел

нас обмануть о приближении скорой помощи, но то была уловка Юрги из Арпана. И он дорого заплатит за свой обман!

– Да-а-а!

Чингизиды, невольно заслушавшись речью Субэдэя, восторженно взревели в ответ, забыв о недавнем яростном споре. А Старый лис, вновь обведя их горящим взглядом, жестко улыбнулся.

– Но мы не будем слепо атаковать во второй раз – враг наверняка ждет нападения и готовится его отразить. А значит, нам нужны новые покоренные нукеры, кто впереди монголов пойдет на вражеские стрелы, нам нужна степь, свободная от кипчаков и угрозы удара в спину. Мунке и Гаюк, вы жаждали действовать без оглядки на Бату?! Что же, как только снег стает и степь станет проходимой для конницы, вы отправитесь на юг вместе с Шибаном и Бучеком. Ваши тумены рассеются по степи, изгоном гоня кипчаков перед собой, а после Мунке повернет на запад и войдет на полуостров, что вдается глубоко в море орусутов. И добьет кочевья ханов нашего давнего врага! Кочевья трусов, понадеявшихся избежать битвы и отсидеться в стороне.

Мунке с почтением склонил голову, соглашаясь с волей Субэдэя, а тот уже обратился к сыну Угэдэя:

– Ты, Гаюк, объединишь свои силы с Шибаном и разгромишь землю зихов, коих орусуты кличут касогами... Покорите их, разрушьте их города и крепости, плените правителей – и поставьте под наши знамена новых нукеров! Бучек же войдет в земли асутов – семнадцать лет назад они были сильны и смело сражались против моих нукеров. Однако теперь их земля расколота, и вожди их дерутся друг с другом. Ты, Бучек, обретешь дружбу самых слабых, чтобы после стравить их с сильными, а затем покоришь и тех и других, пополнив свой тумен тяжелыми всадниками-батырами, закованными с ног до головы в сталь. Если же асуты сумеют объединиться против тебя – что же, дождись помощи братьев, когда они завершат покорять зихов.

Еще трое чингизидов с достоинством склонили головы перед Субэдэй-багатуром, а он обратился к оставшимся сыновьям Джучи, впервые за время похода показав, кто на самом деле истинный ларкашкаки. И Бату-хан был вынужден это молча проглотить...

– Мордуканы кагана Пургаса еще не приняли нашу власть, а потому тумен Орду выступит на север, объединившись с мордуканами кагана Пуреша. Они давно враждуют друг с другом, эти два осколка единого народа, пусть же сражаются вновь, а победа достанется монголам!

Сделав короткую паузу, багатур продолжил:

– Мои же урянхай, гвардия Бату-хана и тумен Берке останутся здесь, в земле болгар. Покоренные дали нам слишком мало нукеров, теперь же пришло время восполнить наши силы их свежей кровью! Пусть в тумены вступят даже совсем юнцы – нам нужны те, кто примет на себя первый удар орусутов, когда мы вернемся в их землю.

– Ху-р-р-р-р-а-а-а!!!

Торжествующий вопль чингизидов стал ответом Субэдэю.

Бату-хан стоял на стене древнего Булгара и вспоминал этот совет. Если бы не Старый лис, остались бы с ним только родные братья, да и между ними наверняка начались бы склоки и грызня. Но в итоге остались все, после ссоры вновь признав его ларкашкаки.

Ныне же сыновья Толуя, Угэдэя и Шибан увели свои тумены на юг, к порубежью разгромленного Булгара, а Орду отправился на север. Мордуканы Пуреша уже начали сражаться с соплеменниками – привычные к зимней войне и хорошо знающие воинские приемы и повадки давних соседей, они сослужат куда лучшую службу, чем в походе против орусутов. Переместился ближе к северу и сам Субэдэй, готовый прийти на помощь Орду, коли сопротивление кагана Пургаса окажется чересчур ожесточенным. А тумен Берке и разбросанные по отдельным гарнизонам Булгара нукеры эмира Аргасуна, внучатого племянника Чингисхана (тот еще ядовитый змей!), ныне собирают болгар в войско, топя в крови любое сопротивление. И лишь гвардия тургаудов и отборных лучников-хорчинов осталась с ларкашкаки. Впору бы начать трево-

житься, но с чего вдруг?! Гвардейцы многочисленны и храбры, а завоеванная страна северных мусульман ныне слишком слаба, чтобы поднять восстание, способное сопротивляться мощи трех оставшихся в ней туменов!

Или взять с наскока хорошо укрепленный город с восстановленными стенами, защищаемый храброй монгольской гвардией...

Орусуты? Да, последние могли бы воспользоваться тем, что орда действует разобщенно, – лучшего момента перейти в наступление им не найти. Благо, что и земля им знакома – не раз воевали с Булгаром... Но сколько нукеров смогут собрать каганы с одинаковым именем Юрги – два, может, три тумена? Силы все одно будут не равны – основу монгольского войска составляют легкие конные лучники тюрков, кипчаков и собственно монголов, а орусуты соберут прежде всего пешее ополчение. Пешцы-ополченцы неплохо дерутся на стенах, защищая свои дома, но разве смогут они противостоять бесчисленной тьме конных стрелков в поле?! В крайнем случае Бату отправит гонцов к действующему на севере Орду – он, в отличие от ушедших на юг чингизидов, успеет быстро прийти на помощь.

Позаботился ларкашкаки и о том, чтобы выставить на западной границе Булгара множество дозоров, наладил ямы – сеть крошечных укреплений на десяток нукеров, расположенных друг от друга на расстоянии тридцати с лишним верст вдоль основных дорог страны. Главная задача нукеров в ямах – содержать коней для туаджи, следующих к Бату-хану или, наоборот, от него. Так гонец сможет скакать хоть целые сутки, не боясь загнать скакуна, а меняя его в каждом яме.

Наконец, на случай, если каганы Юрги смогут найти еще союзников и начнут собирать рать, что окажется значительно больше оставшихся в Булгаре монгольских сил, в страну орусутов отправилось множество лазутчиков – они-то и предупредят о походе орусутов. Мордуканы Пуреша, булгары верных вождей-кирэн, изначально принявших сторону Батыя, бродники, также пообещавшие по весне выделить нукеров в тумен Мунке... В случае неповиновения последних их поселения на Дону просто уничтожили бы, но для затравочки их отправят против давнего врага, кипчаков.

Так вот, все они под видом беженцев и врагов монголов проникнут в самое сердце земель орусутов и все выведают. Лазутчики выяснят о гибели туменов Кадана, Бури и Бурундая, разведают о помощи Чернигова Юрги Арпанскому. Ларкашкаки обещал достойную награду тем, кто принесет подлинно правдивые и важные вести, а также страшную кару семьям тех, кто попытается рассказать орусутам об истинном положении дел в Булгаре!

И независимо от того, какое обещание придется претворять в жизнь, Бату-хан в любом случае сдержит свое слово.

... Я проснулся с ноющей от боли головой, пытаюсь ухватиться за обрывки сна, что привиделся мне этой ночью. Но, увы, из-за сильного жара, что мучил меня до полуночи, все явленное в сновидениях было каким-то смазанным, нечетким. Словно мне показали целую мозаику и тут же сломали ее, раскидав по кускам.

Терзаемый изнутри чувством, будто упускаю нечто крайне важное, я в нетерпении сел на кровати и вдруг с удивлением отметил, что голова моя кружится значительно слабее, чем вчера. Да и общие внутренние ощущения позволяют с оптимизмом смотреть в будущее – до полного восстановления еще далеко, но на ногах могу стоять уже вполне твердо. С заметным волнением я наконец-то посмотрел на левую руку и с небывалой радостью отметил, что рана выглядит гораздо лучше, и воспаленная зона значительно сократилась в размерах.

– Уже что-то...

С незначительным усилием я поднялся на ноги и сделал пару нетвердых шагов, после чего убедился, что меня пусть еще и пошатывает, но идти могу действительно нормально, без падений.

И в этот же миг в голове словно плотину прорвало – воспоминания о привидевшейся в забытьи яви наконец-то прояснились, позволив узреть картинку целиком.

А вот чтобы осмыслить все, мне пришлось вновь сесть на жесткую лавку, служащую кроватью путникам постоялого двора, укрытую соломенным, насквозь пропитанным моим потом тюфяком.

– Получается, не успеет никто из сыновей Юрия Всеволодовича занять престол Аланского царства...

Впервые за несколько месяцев мне было явлено видение – видение очень тревожное и одновременно с тем крайне важное. Да, монголы двинулись в Крым, пошли войной на царство зихов-касогов, предков современных мне адыгов, абхазов и черкесов. И решились атаковать Аланию, царство асутов, как называют их монголы, или ясов, как величают предков осетин на Руси.

Причем если уничтожение половецких кочевий в Крыму силами одного лишь тумена Мунке, сейчас насчитывающего, по моим прикидкам, не более семи тысяч человек, стоит под вопросом, то у Бучека все получится наверняка. Разве что тот не сумеет договориться с наиболее лояльными и одновременно с тем самыми «забитыми» вождями ясов, не сумеет перетянуть их на свою сторону богатыми дарами, щедрыми посулами и обещанием помощи против других, более сильных вождей. На самом же деле местные «коллорационисты» станут прежде всего монгольским щитом и одновременно острием их клинка при завоевании Алании. Однако, когда князья-предатели, ослепленные жадностью и давней враждой (или страхом перед жестокими завоевателями) это поймут, будет уже поздно... Можно уже сейчас считать, что как сильный союзник против поганых ясы, увы, для нас потеряны.

А ведь их храбрая и стойкая панцирная кавалерия нисколько не уступает гридям русских князей. И те и другие в сущности настоящие катафрактари! Но увы, не сразиться нам плечом к плечу с монголами, не сразиться...

И очень обидно за бродников. Да, у них, в сущности, нет выбора: откажись сражаться под знаменами татар – и обрети смерть, обреки на гибель свою семью, всех любимых... А выживших мужей все одно включают в тумен, полоненных женщин и детей погонят под вражьи стрелы в качестве хашара... И потом, использовать бродников в войне против крымских половцев очень мудро – с последними те будут рубиться в охотку!

Однако же ведь наступит час, и бродников погонят уже на Русь, сражаться с единоверцами и братьями по крови! Пожалуй, даже хорошо, что Ждан погиб. Ведь одно знание того, как поганые поступили с его родичами, заставило бы сердце храброго воина обливаться кровью, а душу его разорвало бы на куски.

У Шибана с Гаюком сил против зихов в обрез, но должно хватить. Все-таки Джэбэ и Субэдэй с двумя туменами прошли весь Кавказ, разбив и сильнейших в регионе грузин, и их верных союзников, храбрых аланов. Правда, потери в битвах с грузинами темники восполнили присоединившимися к ним курдами и тюрками, коих привел некий Акуш. А сами тумены их изначально состояли только из монголов, а не нукеров покоренных народов. Однако даже если сыновья Угэдэя и Джэбэ и потерпят неудачу в схватке с касожским царем Тукаром, то ведь рядом будут действовать и Мунке, и Бучек. Они при случае помогут, пришлют нукеров или явятся на помощь полнокровными туменами.

Но! Но в любом случае быстро вернуться на север, в Булгар, целых четыре тумена не сумеют. В отличие от нукеров Орду – ему хоть и предстоит намертво завязнуть в лесах эрзи, вот только большой армии у их царя-инязора Пургаса нет. А обороняя небольшие крепости против целого вражеского тумена, инязор одно за одним потеряет все свои укрепления, все лесные форты. Правда, даже в моей истории покорение эрзи затянулось на несколько лет, зато здесь и сейчас старший брат Батыя с радостью развернет коней на юг, драться с орусутами в чистом поле.

Однако пусть так, пусть даже Батый успеет собрать в кулак все четыре близких тумена. Это наш шанс. Главный наш шанс разбить орду по частям!

Да, но... Без войск Новгорода и Чернигова нам не справиться... Но ведь и не нужно справляться без них! Если мой план сработает как надо, новгородская рать разобьет крестоносцев и свеев по частям, в пределах своей земли. И пусть литовцев тогда отправляется бить юный Невский, пусть Полоцк и Смоленск не дадут нам свои отряды, пусть даже из Чернигова придет лишь дружина Мстислава Глебовича, сил разбить оставшиеся тумены Батые все равно должно хватить.

Особенно если храбрые болгары не подведут и поднимут восстание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.